

С.2.

Смелость „Одес. Нов.“

17-го августа 1894 года.

Жизнь проходит.

Но такъ давно въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ былъ помѣщенъ разсказъ Антона Чехова „Учитель словесности“. Содержаніе его далеко не замисловато и очень правдиво. Герой разсказа окончилъ университетъ, женился и получилъ мѣсто учителя въ провинціи. И вотъ живетъ онъ въ провинціальной глуши, даетъ уроки въ гимназій, бѣгаетъ, спитъ. Дома спокойно, жена красивая, молодая. Во всемъ миръ и тишина, и довольствіе полное. Ни облачка на горизонтѣ супружеской жизни и того городка, въ которомъ проживаютъ наши герои. И вдругъ — авторъ не объясняетъ намъ, къ чему, почему это такъ вдругъ — у героя разсказа возникаетъ неодолимое подволость этой пошлой провинціальной жизни. Вдругъ изъ-за угла, и герой почувствовалъ, какъ-то и онъ самъ пошелъ, и его жена тоже, и его товарища по гимназій, и все та атмосфера, въ которой онъ родился, которой онъ дышалъ все время.

«Для чего было это, что пошелъ во дворъ, вѣтра, въ школу и ты въ душно-жесткомъ полутемномъ душѣ сидѣлъ для чего это не вышло. Онъ думалъ, что не-много перебралъ и захватилъ пере-

ния, суетная жизнь, которая не въ ладу съ покойю и личнымъ счастьемъ».

«На другой день, въ воскресенье, онъ былъ въ гимназической церкви и видѣлся тамъ съ директоромъ и товарищами. Ему казалось, что все они были заняты только тѣмъ, что тщательно скрывали свое недово-ство и недовольство жизнью, и самъ онъ, чтобы не выдать ни своего безпокойства, притомъ улыбался и говорилъ о пустякахъ. Потомъ онъ ходилъ на вокзалъ и видѣлъ тамъ, какъ приехалъ и ушелъ почтовый поездъ, и ему пріятно было, что онъ одинъ и что ему не нужно ни съ кѣмъ разговаривать».

А вечеромъ онъ писалъ въ своемъ дневникѣ: «Гдѣ я, Боже мой? Меня окружаютъ пошлость и пош-лость. Скучные, ничтожные люди, горшечки со сметаной, купленыя съ моткомъ, тараканы, глупыя жен-щины. Нѣтъ ничего страшнаго, ос-корбительнаго, тоска же пошлости. Изъ-за этого, бѣжать сегодня же, прямо я сойду съ ума!»

Можетъ быть, это настроеніе ро-дилось далеко не вдругъ въ героя, но подготавливалось и росло въ немъ рядомъ выводовъ и сопоставленій. Умъ, возмущенный этимъ этого недо-вольства оставилъ для поэта ко-мическій. Думая, конечно, въ не-много о великомъ писателѣ, такой комическій выводъ, какъ ду-мать, кажется, вѣдуло и собою. И мы понимаемъ, и чувствуемъ, что это

тоска, это подволость въ героѣ, была правдива.

Мы понимаемъ и сочувствуемъ этому настроенію героя г. Чехова, когда ему страшно, до тоски вдругъ захотѣлось въ этотъ другой миръ, чтобы самому работать гдѣ-нибудь на заводѣ или въ большой мастер-ской, говорить съ клерками, сочинять, печатать, шумѣть, утомляться, стра-дать... «Когда ему захотѣлось чего-нибудь такого, что захватило-бы его до забвенія самого себя, до равно-душія къ личному счастью, ощуще-нію котораго такъ разнообразно».

Намъ хотѣлось-бы лишь обратить вниманіе читателей на тотъ несо-мѣнный фактъ, что эти тоска и не-довольство стали въ послѣднее вре-мя излюбленной темой для измыш-лятелей. Вспомните, хотя-бы „Убыль жизни“ Ив. Шмелова, гдѣ высказаны даже съ большой опра-дѣленностью и мотивированностью, тѣмъ въ бѣло написанномъ раз-сказѣ Антона Чехова, тѣмъ и не-довольство жизнью, и тоска, хотя и нежная, но утраченный идеалъ, по утраченному смыслу жизни. Да, этотъ смыслъ утраченъ и его нѣтъ въ современной обществѣ, и литер-атура, являющаяся явнымъ вѣрнымъ зеркаломъ общества и на-строеній людей, не могла не отра-зить этого въ своихъ произведе-ніяхъ.

Когда же мы хотимъ сосредото-читься въ разсказѣ Чехова, утратить смыслъ своей жизни? Была ли это

с. 2.

тогда, когда онъ предлагать руку прозаической подругѣ своей жизни? Или это произошло уже потомъ, когда съ еще неоставшими студенческими вѣрованіями, онъ очутился въ глухой, все ополчившей и побѣждающей всякое проявленіе воли и инициативы провинціи? Когда это началось? Въ сущности, это все равно, когда онъ ополчалъ, пить или досить лѣтъ тому назадъ. Въ настоящее время онъ представляеть собою нуль, и если вдругъ породимъ возстанетъ картина его нынѣшняго падшаго состоянія и контрастъ между нею и тѣмъ смысломъ жизни, о которомъ онъ мечталъ и читалъ въ студенческіе годы своей жизни и которымъ онъ и жилъ, потому что мечталъ и читалъ, то не только это самое, что и воспоминаніе у падшей Маргариты о томъ времени, когда она была невинна и беззаботна? Эти годы невинности пришли и не вернутся, и разъ утраченный идеалъ, если и возстанетъ въ свѣтѣ полноты предъ взорамъ нашего героя, то на одинъ только моментъ, безысходный побѣдить тотъ крикъ, въ который погружена его душа. Этотъ идеалъ возстанетъ съ какими-либо ранами все рѣже и рѣже и все неяснѣе и неяснѣе. И душа все болѣе и болѣе тускнѣетъ. Въ лѣтъ герой ширѣе вспоминаетъ о томъ, что было что-то хорошее, но оное уже, все дурное и дурное, въ безконечную даль простирается, и вернется въ него — и опять

идти, и опять одождать, и ко сну клонится.

Великій талантъ художника, издавна скончавшійся, Николай Николаевичъ Ге, за нѣсколькоминутъ до смерти, проходя къ себѣ мимо комнаты, гдѣ спалъ его младшій сынъ, постучать къ нему и пророчески сказалъ: „Что спитъ? Жизнь проходить, не ждетъ“. Жизнь Николая Николаевича не только проходила, она кончалась въ этотъ моментъ. Пророчески восклицая о неждущей жизни, онъ былъ какъ-бы въ предчувствіи конца.

Но находилъ и не въ предчувствіи смерти, но въ сознаніи своей настоящей жизни можно тоже сказать себѣ и другимъ: „Что спитъ? Жизнь проходить — не ждетъ“.

И никогда настоятельности этого сознанія не была такъ жива, какъ въ настоящее время. Миръ точно находится въ предчувствіи своей кончины и тонитъ все по покнутымъ привоиннымъ идеаламъ. Возрожденіемъ снова во всемъ его блескѣ и во всемъ его полнотѣ ученіе Христа, и люди, принявшіе черезъ восточную школу жизни, чрезъ узломъ Византизмской итн и испанской инквизиціи, проведшіе чрезъ аскетизмъ Византизма, разрушивъ въ себѣ все, чему они поклонялись и, невольно бѣгая предъ нимъ для отпущенія, сами предъ собой являть разрушеніемъ, утративъ этой школы жизни и идеалы

N. Gerasim-Samoylov